

В. Крыжановская

Смерть планеты

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
В11

В. Крыжановская
В11 Смерть планеты / В. Крыжановская – М.: Книга по Требованию, 2013. – 288 с.

ISBN 978-5-4241-1776-3

Четвертая часть знаменитого цикла оккультных романов "Маги" Веры Крыжановской - классика конца 19 - начала 20 вв. и родоначальницы "женской" фантастики в России.

ISBN 978-5-4241-1776-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013
© В. Крыжановская, 2013

Часть первая

Глава первая

Под каменным массивом древней пирамиды посвящения таится неведомый и навеки недостижимый для обыкновенных смертных подземный мир. Там продолжает жить остаток древнего Египта, там спрятаны сокровища его колоссальной науки, по-прежнему облеченные тайной и скрытые от любопытных глаз, как было и в те времена, когда народ страны Кеми еще преклонялся перед своими иерофантами, а фараон победоносно ходил на соседей войной. Иерофанты и фараоны упокоились постепенно в своих подземных гробницах; всеразрушающее время свергало и переделывало древнюю цивилизацию; другие народы, иные верования процветали в Египте, и никто никогда не подозревал, что целая плеяда загадочных людей, — уже переживших многие сотни лет с тех пор, когда еще только начинали возникать чудесные сооружения, развалины коих возбуждают столько изумления, — продолжают жить в сказочном убежище, благоговейно сохраняя костюмы, обычаи и внешние обряды веры, в которой родились.

Вдоль длинного подземного канала, который тянется от Гизехского сфинкса до пирамиды, бесшумно скользила лодка с золоченым носом, украшенным цветком лотоса. Темнолицый египтянин, точно сошедший с какой-нибудь древней фрески, медленно греб, а двое мужчин в облачении рыцарей Грааля стояли в лодке и задумчиво разглядывали расположенные по обе стороны канала открытые залы, где видны были склонившиеся над рабочими столами неизвестные ученые.

У подножия лестницы всего в несколько ступеней лодка причалила, и прибывших встретил почтенный старец в длинной белой полотняной тунике и клафте; золотой нагрудный знак и три ослепительных луча над челом указывали на высокую степень мага.

— Супрамати! Дахир! Милые братья мои, добро пожаловать в наш приют. После земных испытаний обновите свои силы в новой работе, подкрепите себя новыми открытиями в бесконечной области абсолютного знания.

— Дайте мне по-братски обнять вас, — прибавил он дружески, — и представить кое-кому из новых друзей.

Подошли несколько иерофантов и облобызали вновь прибывших. Потом, после дружеской беседы, старый маг сказал:

— Подите, братья, очиститесь и отдохните; вам покажут отведенное вам помещение. А когда на земле первый луч Ра озарит небосклон, мы будем ждать вас в храме для богослужения, которое совершается, как вам обоим известно, по обрядам отцов наших.

По знаку иерофанта подошли два молодых адепта, скромно державшиеся до того времени в стороне, и повели новых гостей.

Они прошли сперва длинный и узкий коридор, а затем спустились по крутой и узкой лестнице, упиравшейся в дверь, украшенную головой сфинкса с голубоватыми лампами вместо глаз.

Дверь эта вела в круглую залу с научными и магическими аппаратами и инструментами; вообще в ней было все, что должно находиться в лаборатории посвященного мага.

В этой зале были три двери, и одна вела в небольшую комнату с хрустальной ванной, наполненной голубоватой водой, которая текла из стены.

На табуретах лежали полотняные одежды и полосатые клареты. Две другие двери вели в совершенно одинаковые комнаты, с постелями и резной мебелью с шелковыми подушками; обстановка комнат по своему странному и неизвестному стилю относилась, очевидно, к баснословной древности.

У окна, задернутого завесой из тяжелой голубой материи с разводами и золотой бахромой, стоял круглый стол и два стула. Большой резной сундук у стены назначался, по-видимому, для хранения

платья, а на полках по стенам грудями лежали свитки древних папирусов.

Прежде всего Дахир и Супрамати выкупались, а затем с помощью молодых адептов переоделись в новые полотняные туники с украшенными магическими камнями поясами, надев присвоенные их сану клафты и золотые нагрудные знаки. Теперь, в древнем одеянии, они казались современниками тому странному помещению, где очутились.

— Приди за мною, брат, когда будет нужно, — сказал Супрамати адепту, садясь в кресло около окна.

Дахир ушел к себе, так как оба чувствовали непреодолимую потребность в одиночестве. Души их угнетала еще тяжесть последнего времени их жизни в миру и тоска о том, что они хотя и победили, но что, однако, непреодолимо влекло их к себе: ребенок и жена.

Тяжело вздохнув, Супрамати облокотился на стол, а молодой адепт откинул перед уходом скрывавшую окно завесу.

Супрамати вскочил, пораженный удивительным и строгой красоты зрелищем: никогда еще не видел он ничего подобного.

Перед ним расстилалась гладкая, как зеркало, поверхность озера; неподвижные, уснувшие и синие, как сапфир, воды были хрустально прозрачны; а вдали виднелся белый портик небольшого храма, окруженного деревьями с темной и потому казавшейся черной листвой, не колеблемой притом ни малейшим дуновением ветра.

Перед входом в храм на каменном жертвеннике горел большой огонь, далеко разливавший свет, похожий на лунный, и облекавший спавшую неподвижную природу серебристой дымкой, чудесно смягчавшей все резкости контура.

Но где же небо в этой изумительной картине природы? Супрамати поднял глаза и увидел, что где-то далеко вверху, теряясь в серовой мгле, раскинулся фиолетовый купол. Восхищение Супрамати прервал Дахир, который увидел ту же картину из своего окна и пришел поделиться открытием со своим другом, не зная еще, что тот уже наслаждается тем же очаровательным видом.

— Какая поистине великая отрада для души — этот покой и безмолвие уснувшей, точно неподвижной природы! Сколько новых

и не предполагавшихся даже тайн предстоит нам изучить, — заметил Дахир, садясь.

Супрамати не успел ответить, изумленный новым явлением, и оба ахнули от восхищения. Со свода сверкнул широкий луч золотистого блестящего света, ярко озаривший все вокруг... Солнечный луч без солнца? Откуда исходил, как проникал сюда этот золотистый свет, нельзя было догадаться.

В ту же минуту донеслось отдаленное могучее и стройное пение.

— Это не пение сфер, а человеческие голоса, — заметил Дахир. — Смотри, вон и наши проводники — они плывут за нами в лодке. А ты не заметил, что из твоей комнаты есть выход на озеро? — прибавил он, вставая и идя с другом к выходу.

Стрелой понеслась затем легкая ладья по озеру и причалила к ступеням храма, представлявшего египетский храм в миниатюре.

Там собралась таинственная община: мужчины в древнем одеянии — строгие и сосредоточенные, и женщины в белом, с золотыми обручами на голове, пели под аккомпанемент арф. Станные могучие мелодии раздавались под сводами, и воздух был насыщен нежным благоуханием.

Это произвело неопишное впечатление на Супрамати и его друга.

Здесь время отодвинулось тоже на тысячи лет; это было живое видение прошлого, в котором им дано было участвовать благодаря странному случаю их невероятного существования.

Когда умолк последний звук жертвенного гимна, присутствовавшие выстроились по два в ряд и со старейшиной во главе направились сводчатой галереей в залу, где был приготовлен ранний завтрак.

Он был скромный, но достаточно питательный для посвященных, и состоял из темных и легко таявших во рту хлебцев, зелени, меда, вина и белого густого и игристого питья, которое не было сливками, но походило на них.

Дахир и Супрамати проголодались и оказали честь еде.

Увидев, что Верховный иерофант, подле которого они оба сидели, смотрит на них, Дахир заметил несколько смущенно:

— Не правда ли, учитель, стыдно магам иметь такой аппетит? Старец усмехнулся.

— Кушайте, кушайте, дети мои! Тела ваши истощены соприкосновением с толпой, сосавшей вашу жизненную силу. Здесь, в тиши нашего уединения, все это пройдет. Пища наша, добытая из атмосферы, — чиста и укрепляющая; составные вещества приспособлены к нашему образу жизни, а есть не грешно, потому что тело, даже бессмертного, нуждается в питании.

После завтрака Верховный иерофант познакомил гостей со всеми членами общины.

— Прежде всего отдохните, друзья мои, — заметил он на прощание. — Недели с две вы посвятите осмотру нашего убежища, богатого многими историческими и научными сокровищами; кроме того, среди нас вы найдете много очень интересных людей, с которыми вам приятно будет побеседовать. А затем мы совместно обдумаем план ваших занятий; они будут касаться других предметов, не тех, что у Эбрамара, но с которыми, однако, вам также необходимо ознакомиться.

Поблагодарив Верховного иерофанта, Супрамати и Дахир отошли к своим новым знакомым, и между ними завязалась оживленная беседа. Вскоре члены общины разошлись по своим делам до второго завтрака.

Остался только один из магов, который предложил гостям показать место их пребывания и работы и познакомить с некоторыми коллекциями древностей, у них хранящихся. Обход и осмотр этот представлял большой интерес для Супрамати и Дахира, а рассказ спутника о происхождении пирамиды, Сфинкса и храма, погребенного под землю еще во времена первых династий, открыл им далекие горизонты происхождения человечества.

Когда же какой-нибудь драгоценный предмет в 20-30 тысяч лет или покрытый письменами металлический листик иллюстрировали рассказ, то ими невольно овладевал благоговейный трепет восхищения, несмотря на то, что они давно были уже избалованы познаниями древности.

После ужина Супрамати и Дахир разошлись по своим комнатам, чувствуя потребность в одиночестве. Душа их еще страдала от разрыва телесных уз, в течение нескольких лет приковывавших их к жизни смертного человечества.

Грустный и задумчивый сидел Дахир, склонив голову на руки. Он чувствовал доносившуюся до него мысль Эдиты, и его грызла тоска. Он сам не сознавал до сей поры, насколько привязался к этим двум существам, мелькнувшим в его долгой и странной трудовой одинокой жизни, подобно теплым лучам живительного солнца.

Связь эта оказалась слишком прочной и не могла быть произвольно порвана; она задела струны сердца, которые теперь звучали по обоим направлениям подобно электрическому проводу.

Поэтому обмен мыслей и чувств не прекращался. Как бьют в берега пенистые волны, так и взаимные мысли стучали в обе стороны.

Дахир чувствовал страдания Эдиты; а та, несмотря на желание, не могла побороть властное чувство, наполнявшее все ее существо, и заглушить жгучую боль разлуки с любимым человеком.

Эбрамар, так хорошо изучивший сердце человеческое, — даже сердце мага, — прощаясь с Дахиром, сказал, что пока время и занятия не успокоят, наконец, болезненную тоску души, тот может видеть Эдиту с ребенком в магическом зеркале и говорить с женой. Теперь ему вспомнились эти слова, и он поспешно прошел в лабораторию.

Подойдя к большому магическому зеркалу, Дахир произнес формулы и начертал каббалистические знаки. Произошло обычное явление: поверхность инструмента пришла в волнение и покрылась искрами; а потом облака рассеялись и, точно сквозь большое окно, перед ним открылась внутренность одной из зал гималайского дворца, где жили сестры общины.

Это была обширная, роскошно меблированная комната; в глубине, около постели с кисейными занавесками, видны были две колыбели, отделанные шелком и кружевами. Перед нишей, в глубине которой была осененная крестом золотая чаша рыцарей Грааля, стояла на коленях Эдита. На ней была длинная белая туника — одежда сестер, а чудные распущенные волосы окутывали ее точно шелковой мантией.

Прелестное личико Эдиты побледнело и залито было слезами, а перед ее духовным взором парил образ Дахира. Но она, видимо, боролась с этой слабостью, ища в молитве поддержку, чтобы заполнить пустоту, образовавшуюся с отъездом любимого человека.

Любовь наполняла все ее существо; но чувство это было чисто, как и сама душа Эдиты: в нем не было и тени чувственности, и она желала бы только видеть, хоть изредка, обожаемого человека, слышать в тиши ночной его голос и знать, что он думает о ней с ребенком.

Глубокий порыв нежности и сочувствия охватил Дахира.

— Эдита! — прошептал он.

Как ни слаб был этот звук, духовный слух молодой женщины уловил его; она встрепенулась и встала, почувствовав присутствие дорогого существа.

Она тотчас увидела просвет, образовавшийся известным ей магическим зеркалом, и в нем — Дахира, улыбавшегося ей и приветствовавшего рукою.

С радостным криком подбежала Эдита и протянула к нему руки, но вдруг покраснела и остановилась в смущении.

— Мои мысли привлекли тебя, Дахир, и, может быть, нарушили твои серьезные занятия. О прости, дорогой, мою неизлечимую слабость! Днем я работаю и еще кое-как твердо борюсь с грызущей меня тоской; мне не хватает тебя, как воздуха, которым я дышу; мне кажется, точно с тобой осталась часть моего существа, и я страдаю от этой открытой раны.

Все здесь добры ко мне; я изучаю новую науку, открывающую мне чудеса! Но ничто меня не радует. Прости меня, слабую и тебя недостойную.

— Мне нечего прощать тебя, моя славная, кроткая Эдита. Как и ты, я страдаю от нашей разлуки; но надо же подчиниться непреклонному закону нашей странной судьбы, вынуждающей нас идти все вперед и вперед... Со временем острота этой тоски пройдет, и ты будешь думать обо мне со спокойным чувством, ожидая нашего окончательного соединения. А сегодня я явился порадовать тебя известием. Эбрамар разрешил мне видеть тебя раз в день; в такие тихие часы я и буду посещать тебя с ребенком. Мы будем беседовать, я буду руководить тобой, учить и успокаивать; а ты, зная, что я около тебя, будешь меньше страдать от разлуки.

Пока он говорил, обаятельное личико Эдиты совсем точно преобразилось, похудевшие щеки подернулись румянцем, большие глаза блистали счастьем, а голос звенел радостно.

— О! Доброта Эбрамара — безгранична! Как благодарить мне его за такую милость, которая возвращает мне бодрость и счастье. Теперь я всегда буду жить от одного свидания до другого, и час этот будет наградой за дневную работу.

Ведь ты объяснишь мне то, что трудно будет понять, и своими излучениями успокоишь мое мятежное сердце?...

Вдруг она смолкла, подбежала к одной из колыбелей и, взяв из нее девочку, показала ее Дахиру:

— Взгляни, как она хорошеет и как похожа на тебя: твои глаза, твоя улыбка. О! что было бы со мной без этого сокровища! — прибавила она, сияя счастьем и страстно прижимая ребенка к своей груди.

Малютка проснулась, но не заплакала, а улыбнулась: она узнала отца и протянула к нему ручонки.

Дахир послал ей воздушный поцелуй.

— Эта девчурка оказывается волшебницей, — сказал Дахир, улыбаясь. — Ты находишь, что она на меня похожа, а мне кажется, что она — твой вылитый портрет.

Когда Эдита уложила затем уснувшего ребенка, Дахир спросил:

— Как поживает Айравана? Я думаю, завтра Супраматти также захочет проводить сына.

— И хорошо сделает, потому что ребенок очень грустит и оживает только иногда по временам, когда видит мать; он даже называет ее по имени и протягивает ручки. Бедный маленький маг!

Побеседовав около часа, Дахир заметил:

— Пора тебе лечь и уснуть, милая Эдита. Теперь, когда ты повидала меня, и знаешь, что очень скоро мы свидимся вновь, твое волнение, надеюсь, успокоится, и сон подкрепит тебя.

— Ах! Как быстро пролетело время с тобой, — вздохнула Эдита. — Я иду спать, — прибавила она, покорно направляясь к постели, — только не уходи, пока я не усну.

Дахир от души рассмеялся и остался у своего чудесного окна; когда же она улеглась, он поднял руку, и из его пальцев полился голубоватый свет, окутавший Эдиту точно лучистым покрывом.

Когда свет погас и дымка рассеялась, молодая женщина уже крепко спала здоровым сном.